Гусева Наталия Сергеевна

ИДЕЯ АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье освещаются современные проблемы историографии и методологии истории, в частности, анализируется влияние идеи альтернативности на развитие исторической науки в рамках появления, существования и развития так называемой исторической антропологии (или "новой исторической науки"). Рассматриваются методологические аспекты и оценки разных позиций и точек зрения крупнейших отечественных историков-методологов на идею альтернативности в исторической науке, дается трактовка понятий "альтернативность", "альтернативная ситуация" с позиции современной историографии и методологии истории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/5-1/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. I. С. 43-46. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 930.1

В статье освещаются современные проблемы историографии и методологии истории, в частности, анализируется влияние идеи альтернативности на развитие исторической науки в рамках появления, существования и развития так называемой исторической антропологии (или «новой исторической науки»). Рассматриваются методологические аспекты и оценки разных позиций и точек зрения крупнейших отечественных историков-методологов на идею альтернативности в исторической науке, дается трактовка понятий «альтернативность», «альтернативная ситуация» с позиции современной историографии и методологии истории.

Ключевые слова и фразы: Школа «Анналов»; «новая историческая наука» (историческая антропология); альтернативность; альтернативная ситуация; междисциплинарность; «историографический кризис»; «возможность»; «фольк-хистори».

Наталия Сергеевна Гусева
Историко-филологический факультет
Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова
tasha_rus_90@mail.ru

ИДЕЯ АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ©

«Любой выбор, – писал И. Д. Ковальченко, – как явление субъективное, может быть и верным, и ошибочным», а сама историческая реальность, в том виде, как она совершилась, «является инвариантной, т.е. однозначной». Но, как далее отмечает ученый, «эта инвариантность часто была результатом реализации одной из поливариантных возможностей, заключенных в предшествующей этой реальности действительности» [10, с. 463]. Таким образом, историки уже на протяжении ряда лет пытаются оценивать вероятность реализации тех или иных возможностей. Все это порождает одну из важнейших методологических проблем современной исторической науки – проблему альтернативности истории [3]. Как справедливо отмечает томский методолог Б. Г. Могильницкий, «трудно назвать другую историко-теоретическую проблему, которая вызывала бы сегодня такой напряженный интерес научной общественности, как проблема альтернативности исторического развития» [15, с. 3].

В этой связи считаем, что необходимо подробнее остановиться на вопросе альтернативности исторического развития и его изучении в современной исторической науке.

XIX столетие по праву получило название «века истории», т.к. в это время появляется «история как наука» со своим набором методов и принципов исследования. Век XX отмечен не менее (если не более) серьезными изменениями: историческая наука переживает бурную ломку прежних научных прерогатив и ориентиров, многие ученые-историки говорят не иначе как о «кризисе» историографии и исторической науки как таковой. Здесь важно разъяснить, что мы подразумеваем под понятием «кризис». Часто в нашем подсознании оно ассоциируется с далеко не лучшими изменениям, а часто и последующими потрясениями в государстве или обществе (например, кризис власти, экономический кризис и т.д.). Но совершенно по-другому дело обстоит в научном сообществе: по мнению американского философа Т. Куна, кризис является «соответствующей прелюдией к возникновению новых теорий» [11, с. 56]. С этой точки зрения кризисные явления в области методологии исторического исследования – показатель нормального развития науки, о чем свидетельствует опыт, накопленный ею в XIX-XX столетиях. Был солидарен с американским ученым и отечественный методолог И. Д. Ковальченко, рассматривающий кризис в исторической науке не как «застой или упадок в ее развитии, а как такую поляризацию теоретико-методологических взглядов и подходов… которая во многих аспектах разрывает единство коренной сущности исторического познания» [10, с. 454].

Исходя из вышеизложенных обстоятельств, зарождение в прошлом столетии так называемой «новой исторической науки» (или исторической антропологии), основными принципами которой явились такие неизвестные ранее, во многом революционные понятия, как исторический синтез, идея тотальной (глобальной) истории, сочетание макро- и микроисторических подходов, «антропологический переворот», а также полидисциплинарность и междисциплинарный синтез в исторических исследованиях, можно рассматривать как своеобразный рывок в исторической науке. «Стартовой площадкой» процесса становления «новой исторической науки» стала немалоизвестная французская Школа «Анналов», рожденная в «боях за историю» (по одноименному названию труда одного из главных «анналистов» Л. Февра), которые она, по образному выражению Гуревича, «вела против обветшавшей историографии, укрывшейся от действительности за каталожными ящиками с выписками с древних текстов, в которых она не была способна ощутить живых людей» [20, с. 225]. В связи с этим стоит отметить кардинальное отличие «новой исторической науки» – в центре ее внимания находится обычный Человек со своим житейским, обыденным миром, а не макроисторические исследования и биография политических деятелей и других известных исторических личностей.

© Гусева Н. С., 2012

Проще говоря, история перестает быть историей войн, революций, правителей или династий, а становится историей Человека. Исходя из вышеизложенного, можно сделать логический вывод о том, что «новая история» является кардинально отличной от господствовавшей в XIX – начале XX в., а местами не утратившей свои позиции и до сих пор, позитивистской исторической школы. Кроме того, нельзя не подчеркнуть и тот немаловажный факт, что современная историческая наука исходит из принципов альтернативности и междисциплинарности, появившихся во второй половине XX века на бурной волне постмодернизма. Провозглашенная ими нелинейность исторического развития и, что еще важнее, возможность сослагательности (в частности, возможности постановки вопроса «а что, если бы…») в истории заставили задуматься современных, в том числе и отечественных, ученых о путях развития человеческого общества на протяжении всего периода его существования и пытаться оценивать вероятность реализации тех или иных возможностей.

Если говорить об отечественной историографии, то проблемой альтернативности в исторической науке начали заниматься гораздо позже, чем на Западе. Б. Г. Могильницкий видит причину подобного упущения в так называемых «извращениях марксизма», в частности в победе сталинизма в марксистском обществоведении, «что исключало саму возможность постановки вопроса об историческом действии как результате свободного выбора человека» [15, с. 3]. Таким образом, продолжает исследователь, «категория альтернативности была надолго изгнана из методологического инструментария советской исторической науки, объявлена несовместимой с марксистским пониманием природы исторического процесса» [Там же].

Но хотя альтернативность как особая категория социально-исторического познания не получила сколько-нибудь развернутой специальной разработки в марксистском обществоведении, в то же время ни в коем случае нельзя сказать, что ей не занимались вообще. В 1979 году журналом «Знание – сила» был проведен «круглый стол» на тему «История: неизбежное и случайное» [9]. Итогом его работы стал вывод о том, что альтернативный подход к истории все-таки имеет право на существование [Там же, с. 40].

И все-таки по-настоящему серьезное развитие данная проблема получила в методологических работах таких крупных отечественных историков-методологов как И. Д. Ковальченко, П. В. Волобуев, Б. Г. Могильницкий, в которых особое внимание уделялось именно вероятностному характеру исторического процесса и были освещены такие вопросы, как соотношение исторической закономерности и альтернативности, возможного и действительного в истории, альтернативная историческая ситуация и пр. По мнению последнего, «принципиальное отрицание многовариантности общественного развития неизбежно обрекало историческую науку на роль простого поставщика фактов… обедняло реальный исторический процесс» [15, с. 5]. Поэтому ничуть не удивительно, что «в стремлении освободить марксистское понимание общественного развития от догматически-натуралистических искажений именно историки первыми из советских обществоведов обратились к категории альтернативности в плане исследования исторического творчества человека» [Там же].

Рассматривая проблему альтернативности, необходимо дать ее определение. Более близки автору умозаключения двух крупнейших отечественных историков-методологов, посвятивших свою научную деятельность рассматриваемой проблеме, – И. Д. Ковальченко и Б. Г. Могильницкого. «Альтернативной, – писал Б. Г. Могильницкий, – является такая историческая ситуация, которая характеризуется борьбой общественных сил за реализацию существенно отличных возможностей общественного развития. Следовательно, историческая альтернатива может иметь место тогда, когда в действительности, во-первых, содержатся существенно отличные возможности последующего развития и, во-вторых, имеются общественные силы, ведущие борьбу за реализацию этих возможностей…» [13, с. 8-9]. Другой крупный отечественный методолог И. Д. Ковальченко считал, что «альтернативной является такая историческая ситуация, которая допускает возможность существенно отличных вариантов перехода к будущему» [10, с. 463]. Здесь важно уяснить понятие «возможность». Возможность, по Ковальченко, – «это объективное свойство текущей действительности, это – присущие ей черты и тенденции, которые создают предпосылки, образуют основу для последующего развития» [Там же, с. 463-464]. И еще один важный момент, отмеченный И. Д. Ковальченко: «возможность – это потенциальная, грядущая действительность, а реальная действительность – это реализованная, осуществленная возможность» [Там же, с. 464]. Таковы, на наш взгляд, важнейшие характеристики идеи альтернативности в истории.

Анализ изменения отношения советских исследователей к пониманию идеи альтернативности позволил А. В. Бочарову выделить следующие этапы: 1) идеологическое противостояние, позиция защиты; 2) критика методов и логики, позиция изучения; 3) констатация различий, позиция ознакомления; 4) отказ от критики, переходная позиция на грани принятия, но ещё в рамках марксизма; 5) попытка синтеза, позиция сотрудничества [3].

Действительно, в перестройку, а особенно в последние годы существования СССР, наблюдался настоящий всплеск интереса к проблеме альтернативности в истории. Первое обобщающее систематизированное исследование по альтернативности в истории в отечественной исторической науке было проведено П. В. Волобуевым в вышедшей в 1987 г. монографии «Выбор путей общественного развития: теория, история, современность» [4], где исследователь уделил большое внимание диалектике возможности и необходимости, понятию исторической вероятности как меры возможности. Ученый выделяет уровни-этапы осуществления выбора исторического пути: от выбора на уровне теории, выяснения идеологами классов предпочтительности разных возможностей до перехода социальных групп к практической реализации своих целей

[Там же, с. 18]. В последующие годы П. В. Волобуев выступал в качестве редактора или участника различных сборников, посвящённых альтернативности истории России в 1917 г.

В 1989 г. проходит заседание «круглого стола», темой которого являлись альтернативы развития исторических событий в XX веке [7; 8]. На нем выступали историки и философы, главным образом представители АН СССР: И. К. Пантин, Е. Г. Плимак, В. С. Библер, И. М. Клямкин, А. С. Сенявский, Г. Г. Водолазов, Г. Г. Дилигенский, О. Р. Квирквелия. Обсуждались такие проблемы как: соотношение закономерности и свободы воли; ограниченность, суженность «поля альтернатив» в советской истории; зависимость альтернативности исторического развития от духовной альтернативности и культурного многообразия; понимание альтернативности как особого типа детерминизма; наличие выбора желаемого результата при безальтернативности результатов; понимание альтернативности только как абстракции, вырванной из живой ткани исторического процесса или как категории, имеющей конкретно историческое воплощение; проблема размывания смысла понятия исторической альтернативности и потребности в его стандартизации; связь кризисной ситуации 1980-х годов с историческим выбором, сделанным в конце 20-х годов, и другие проблемы.

В этот же период выходят работы и статьи Б. Г. Могильницкого, посвящённые переосмыслению с новых позиций проблемы альтернативности: «Введение в методологию истории» (1989 г.) [14], «Альтернативность в истории советского общества» (1989 г.) [13], «Историческая альтернативность: методологический аспект» (1990 г.) [15]. В этих работах автор отмечал, что «многовариантность исторического процесса обусловлена многообразием деятельности человека, что нередко побежденная альтернатива не исчезает бесследно, но накладывает отпечаток на победившую тенденцию общественного развития» [13, с. 15]. Важность для историка категории альтернативности Б. Г. Могильницкий видел в том, что она позволяет демифологизировать понятие исторической необходимости. Он делает вывод: «чтобы не повторилось ошибок, нужно выработать эффективный механизм сознательного выбора альтернатив» [14, с. 56]. Но альтернативы не появляются сами по себе. Это хорошо понимал И. Д. Ковальченко, утверждая, что «реальные исторические альтернативы имеют место лишь тогда, когда наряду с наличием различных объективных возможностей есть общественные силы, которые воспринимают эти возможности и осознанно или стихийно ведут борьбу за претворение в жизнь тех или иных из них» [10, с. 463]. Но, отмечал отечественный исследователь, не только это главное, так как «реальной альтернативы нет и тогда, когда те или иные общественные силы выдвигают идею об иных путях развития и пытаются реализовать намеченный путь в условиях, когда отсутствуют объективные возможности для этого». Собственно, здесь проявляется попытка превращения в жизнь утопий, которые «всегда были безуспешными» [Там же, с. 464]. «Историческая альтернатива – не просто умозрительное понятие, не некая “умственная конструкция”, создаваемая историками в познавательных целях, а объективная категория, отражающая реальные связи, существующие в исторической действительности» [15, с. 7]. Здесь важно отметить, что не всякое развитие событий мы может понимать как «альтернативу». Альтернативная ситуация – это не фантазия и не сказка в духе «если бы вдруг на кого-то упал метеорит, то…». «Историк, – отмечал Б. Г. Могильницкий, – не конструирует бесконечное число альтернатив по принципу “могло бы быть и так”, а обнаруживает их в реальной действительности с целью ее более глубокого и разностороннего познания» [Там же]. В то же время И. Д. Ковальченко отмечал, что «при борьбе разных альтернатив… побеждает та из них, на стороне которой оказывается перевес общественных сил, борющихся за ее реализацию» [10, с. 464].

В постсоветский период в теоретическом изучении альтернативности исторического развития уже не наблюдается такого единства дискурса, какой имел место в советский период. Историографический анализ позволил уже современным исследователям выделить несколько основных подходов к проблеме альтернативности, существующих в настоящее время: культурологические (идея Ю. М. Лотмана), историософские (авторы данного подхода – М. С. Тартаковский, В. Л. Цымбурский, И. В. Бестужев-Лада, С. А. Экштут – отражали в своих работах специфику понимания альтернативности с позиций историософии), социологические (работы А. В. Коротаева, А. С. Ахиезера и А. А. Родина), синергетические (идеи синергетики в изучении альтернативности исторического развития используются в работах Ю. М. Лотмана, Я. Г. Шемякина, М. А. Чешкова и др.), математические (математические методы изучения альтернативных исторических ситуаций используются в работах С. Ф. Гребениченко и в исследованиях под руководством Л. И. Бородкина).

Таким образом, с появлением сослагательного наклонения в мировой и отечественной историографии стала завоевывать определенное место новая научная парадигма, предполагающая, что «можно изучать то, что было, с учетом возможности того, что могло бы быть». Проблема альтернативности – это во многом проблема роли субъективного фактора в истории, проблема свободы исторического выбора. В то же время идея альтернативности направлена против любого рода провиденциалистских представлений о характере исторического процесса, отрицающих свободу человеческой воли и ее целенаправленного и эффективного влияния на ход истории. В равной степени современное понимание альтернативности направлено и против субъективно-волюнтаристских взглядов, сводящих историю человеческого общества, по образному выражению американского историка Г. С. Коммаджера, к «смеси случайности, ошибок, неожиданностей и глупостей» [2, с. 114]. «История неслучившегося» имеет полное право на существование, а «степень ее научной состоятельности будет прямо зависеть от того, насколько исследования в этом направлении будут основаны на исторических источниках и фактах, которые при ином стечении обстоятельств действительно могли изменить ход истории» [22, с. 75].

Касаясь последнего, нельзя не отметить современные проблемы исторической науки в целом и историописания в частности. Выше отмечались различные подходы к проблеме альтернативности, в том числе и математические – в более широком контексте использование знаний точных наук вообще. Но анализ использования данных методов выявляет применение недопустимых преобразований, игнорирование фактора свободы воли субъектов исторического действия, несогласованность математического аппарата со спецификой использованных исторических источников, а иногда и полную их фальсификацию. Проблема фальсификации истории – одна из центральных в современной исторической науке. Связано это, в первую очередь, с сочинениями в духе так называемой «фольк-хистори» (А. Т. Фоменко, Г. В. Носовский и другие псевдоисторики, произведения которых характеризуются внедрением естественно-математических концепций в историческое познание) [1; 16-18]. В цели представленной статьи не входит анализ данной проблемы. И все же здесь важно отметить, что популярные ныне произведения в жанре «фольк-хистори», представляющие собой своеобразный «постмодернистский вызов» «традиционной истории» и претендующие на особый статус «альтернативной истории», ни к идеям альтернативности, ни к самой исторической науке отношения не имеют и вполне объективно характеризуются гуманитарным и естественно-научным сообществом как лженаука.

Список литературы

1. **Балабуха А. Д.** Когда врут учебники истории: прошлое, которого не было. М.: Яуза; Эксмо, 2006.
2. **Бестужев-Лада И. В.** Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 112-122.
3. **Бочаров А. В.** Проблема альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты: автореф. дисс. … канд. ист. наук. Томск, 2002.
4. **Волобуев П. В.** Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М.: Речь, 1987. 168 с.
5. **Волобуев П. В.** О проблеме выбора путей общественного развития // Вопросы философии. 1984. № 1. С. 79-88.
6. **Волобуев П. В.** 1917 год: была ли альтернатива? // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М.: Политиздат, 1991. С. 65-85.
7. **XX век: альтернативы развития**: материалы «круглого стола» // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 1. С. 60-72.
8. **XX век: альтернативы развития**: материалы «круглого стола» (окончание) // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 2. С. 77-97.
9. **История: неизбежное и случайное**: «круглый стол» // Знание – сила. 1980. № 1. С. 38-40.
10. **Ковальченко И. Д.** Методы исторического исследования. Изд-е 2-е, доп. М.: Наука, 2003. 486 с.
11. **Кун Т.** Структура научных революций. М.: АСТ; Ермак, 2003. 365 с.
12. **Лотман Ю. М.** Клио на распутье // Наше наследие. 1988. № 5. С. 1-4.
13. **Могильницкий Б. Г.** Альтернативность в истории советского общества // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 3-16.
14. **Могильницкий Б. Г.** Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989. 174 с.
15. **Могильницкий Б. Г.** Историческая альтернативность: методологический аспект // Новая и новейшая история. 1990. № 3. С. 3-18.
16. **Носовский Г. В.** Где ты, поле Куликово? М.: АСТ; Астрель, 2010. 224 с.
17. **Носовский Г. В.** Русь: подлинная история Великой Русско-Ордынской Средневековой Империи. М.: АСТ; Астрель, 2009. 320 с.
18. **Носовский Г. В., Фоменко А. Т.** Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима. М.: Издат. отдел Учебно-научного центра довузовского образования МГУ, 1996. 463 с.
19. **Репина Л. П.** История исторического знания: пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
20. **Сидорцов В. Н.** Методологические проблемы истории: учеб. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов ист. и филос. специальностей, обеспечивающих получение высш. образования / под общ. ред. В. Н. Сидорцова. Мн.: ТетраСистемс, 2006. 352 с.
21. **Хук С.** «Если бы» в истории // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. № 5. С. 206-215.
22. **Хут Л. Р.** «История неслучившегося», или Проблема альтернативности исторического развития: историографический аспект // Гуманитарная мысль юга России. 2006. № 1. С. 60-78.

HISTORICAL DEVELOPMENT ALTERNATIVITY IDEA IN NATIVE HISTORICAL SCIENCE: HISTORIOGRAPHICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Nataliya Sergeevna Guseva
Historical-Philological Faculty
Ishim State Pedagogical Institute named after P. P. Ershov
tasha_rus_90@mail.ru

The author covers the modern problems of historiography and historical methodology, in particular, analyzes alternativity idea influence on historical science development in the framework of the origin, existence and development of so-called historical anthropology (or “new historical science”), considers the methodological aspects and estimations of prominent native historians-methodologists’ different positions and viewpoints on alternativity idea in historical science, and gives the interpretation of the notions “alternativity”, “alternative situation” from the perspective of modern historiography and historical methodology.

Key words and phrases: “Annales” School; “new historical science” (historical anthropology); alternativity; alternative situation; interdisciplinarity; “historiographical crisis”; “opportunity”; “folk history”.